Две героини

Любовь Дмитриевна и Саша. Такую фотографию мы сделали на одной из встреч нашего клуба с жителями Дома престарелых.

Вступительное слово

Участники детско-юношеского клуба авторской песни «Гравицапа» и жители Мурманского областного дома-интерната для престарелых и инвалидов – давние друзья.

Молодёжь и пожилые люди вместе организовали клуб «Серебряные струны» – замечательный, действующий много лет проект с регулярными песенными посиделками, концертами, фильмами, прогулками и песнями у костра.

Авторы этого сборника, Александра Рукавица и Любовь Дмитриевна Фёдорова, познакомились и подружились как раз на этих встречах.

Стихи и рисунки Любови Дмитриевны нам знакомы давно, мы их любим и храним. В них – жизнь, любовь, юмор, радость и мудрость неунывающего человека. Человека, прикованного к инвалидному креслу. Печаль и грусть там тоже есть. Но оптимизма всё-таки больше. А ещё они очень здорово звучат, когда их читает Саша Рукавица.

Сама Саша стихи сочиняет с детства, которое вот только совсем недавно у неё закончилось. И там – тоже жизнь, любовь, борьба и светлая грусть.

Они и друг в друге находят много общего: обе любят яркокрасный цвет, Высоцкого, песни под гитару, фантастику. Вообще любят книги и много читают (Саша, кстати, работает в библиотеке). Обе любят глядеть на огонь и мечтать у окна.

Нам показалось, что их стихам будет очень уютно под одной обложкой. Они перекликаются между собой, несмотря на то, что написаны совсем в разное время. А их рисунки – дополняют недосказанное.

Это удивительное творчество должно напомнить нам простую истину: каждый человек — это мир, неповторимый и неизведанный. И если нам дозволено прикоснуться к нему — это подарок, делающий нас мудрее и богаче на целый новый мир.

Любовь Фёдорова

О себе

Родилась я в Карелии в обычной советской семье: мама – домохозяйка, а отец – главный инженер лесопильного завода. Сначала никто не понял, что я – проблемный ребёнок. Только тогда, когда я заболела, меня увезли в город Сортавала и дали родителям направление во Всесоюзный институт невропатологии, в Ленинграде. Там определили мою болезнь и объяснили родителям мои перспективы...

Я осталась в семье, и меня начали учить премудростям жизни. Прежде всего, в мою голову вбили мысль, что я – другая. Не хуже, не лучше нормальных, а просто другая. Рано научили читать, считать. Память была хорошая, что очень помогло и в дальнейшей жизни. Читать меня научили до пятилетнего возраста.

С возраста двенадцати лет ко мне ходила учительница начальных классов. Она, прежде всего, дала мне умение отличать друг от друга школьные предметы. Она учила меня ботанике, истории, географии за пятый и шестой классы, а остальные предметы – с первого по четвёртый классы. Я любила литературу, поэзию, фантастику и философию. Когда я заявила учительнице, что от колхозов только вред, она сказала, что я знаю больше, чем следует знать в моём возрасте, и ходить ко мне перестала. На этом и закончилось моё школьное образование. Дальше я занялась самообразованием, им я занимаюсь и до сих пор.

После смерти мамы я попала в Дом-интернат, где и живу сейчас.

Мне было очень грустно и светло. Душа – насквозь – прозрачное стекло, Стремилась ввысь высоко улететь, И там, в раю, красиво, долго петь! Но тело – вот жестокий властелин, Как будто ей владеет он один. Ей не даёт покоя и тепла. Желает он спалить её дотла.

«Мне холодно, я замерзаю, вмерзаю в кресло серебряным, словно волна, невесомым пухом...»
Стр. 23

* * *

Может быть, с тобой вдвоём В сад души моей войдём. В том саду цветёт агат, Созревает виноград. И в излучине реки Рыбу удят рыбаки. Там, на берегу – костёр, Философский разговор. Что тут правда, а что нет, Должен сам ты дать ответ...

Каждая простынь, висящая на верёвке, Каждая штора на окне Мечтают стать парусом на лодке, А лучше — на корабле. Мечтают слушать песни матросов И стук солёной волны о днище, И как сердитый боцман Крюк Грозит своей ручищей. Узнать секретные пути И сказочные тайны. И не бояться умереть От флибустьерской раны... Об этом рано поутру Мне рассказала штора.

«Мне заметает снегом в голову этот стих...» Стр. 22

* * *

Она качалась на ветру,

А я писала скоро.

Небо высокое и голубое, Будто бы ранней весной. Грозно внизу рокочет Сердитый морской прибой. И ветер, с волною споря, Танцует с деревьями твист. Окаменела от горя, С листвою слетела вниз. И вот, осталась я одна. И чаша выпита до дна.

Скрипка

Скрипка рыдала и пела, Вела за собою оркестр. Как будто сказать хотела: Я вас подниму до небес. Я вам покажу дальний берег, Где ветер играет с волной, И парус, не белый, но алый Сверкает в дали голубой. Где солнце блестит на закате, Купая в море лучи, И юноша в чёрном бушлате Шепчет девчонке:

«Молчи.

Мы пойдём с тобою в лес, Из ручья воды напьёмся, Будет множество чудес, Сюда не скоро мы вернёмся...»

Скрипач опустил свои руки, И тут же замолк оркестр. И медленно, нехотя словно, Люди спускались с небес.

«Музыка заполняет меня собой…» Стр. 32

Фантастическая прогулка

Обмелело озеро, Вырос островок -Для печальной чайки Тихий уголок. Только тёплый ветер Шелестит листвой, Да вдали рокочет Голубой прибой. Солнце отразилось В яркой глубине. Подошёл и молча Улыбнулся мне... И стихи, и сказки Рядышком живут. Вместе с белым облачком В небесах плывут. Мне тихонько машут И с собой зовут: «Ну-ка, отправляйся! Что сидишь ты тут?» Ветер-забияка подхватил меня, Посадил на облако, словно на коня. Вместе мы отправились В страну мечтаний, грёз... А когда вернёмся? Вот большой вопрос!

«Если всерьёз согревает такая улыбка, значит, уже не прельщает сиянье монет...» Стр. 26 Я к ней влетел, её обнял, Ей волосы слегка встрепал, И тут увидел паренька, Который со скамейки встал И волосы её прибрал! Я обомлел, я обалдел, На них обоих налетел! И ей сказал: «Как смела ты Разрушить все мои мечты?» И тут услышал громкий смех И голос, что сказал: «Молчи. Ведь другом был ты мне всегда. Ты понимаешь это?»

«Да».

«А это, так, каприз любви. И ты за это извини». «Давай закроем эту тему. А то я что-то не пойму, Кто здесь остался в дураках...»

Одуванчик

Обманувшись последним теплом, Расцвели одуванчики вволю. А вокруг ярко-пёстрым ковром Ветерок листья жёлтые гонит! Синева отразилась в воде, И от солнца дорожка струится... Красота! Только кажется мне, Это чудо недолго продлится. И ненастья наступят потом. Скучный дождь моросит за окном. В тёплом доме на модном столе Одуванчик стоит в хрустале.

«К утру бы заиндевели лилии на столе...» Стр. 20

* * *

Хочу кричать: «Пора гулять!» Я знаю, что мне хочется: Напиться одиночества, Постоять в сыром лесу, Чувствуя ногой росу. И послушать синицы трель, И дождя весёлую капель. Посидеть у зеркала озёр И увидеть в горах костёр... Но мешает проклятая немощь. И сижу я, как птица в клетке, И в отчаянии пью таблетки.

«Лес гнездился внутри меня, Лес был частью моей души…» Стр. 24

Романс

На мотив старинного романса

Не уходи, побудь со мною! Мелькают в окнах города. Ты рвёшься в бой, а я не скрою: Я буду ждать тебя всегда. И даже если не вернёшься Ты с этой гибельной войны, В моём ты сердце остаёшься, И я прошу: «Не уходи!» Вот если б всё назад вернулось, Мы были б счастливы тогда... Как моё сердце встрепенулось! Я буду ждать тебя всегда. Не уходи, побудь со мною! Но поезд мчится сквозь года. Твоё я сердце успокою, Я буду ждать тебя всегда!

Лето 1941 года

Посвящается светлой памяти моих родителей – ветеранов Великой Отечественной войны Дмитрия Сергеевича и Лидии Ивановны Фёдоровых.

Солдаты идут по дороге. Несут их усталые ноги. И думает каждый о том, Что где-то вдали ждёт их дом. А в доме том жена иль мать Не устают любимых ждать. Они не знают путь войны. И долго ждать обречены... Работа, непосильный труд. Не многие с войны придут...

Подражание Высоцкому

Очи чёрные, скатерть белая. Вот пою о нём, неумелая. В жизни я не раз с ним встречалася, И от этих встреч боль осталася. Необычная боль, разрывная. Но без боли той — жизнь противная: Очень скучная, примитивная. Этой боли жду, как спасения, Как душевного воскресения.

Унылая песнь о дисташке*

Ох, дисташка ты, дисташка, Без тебя мне жить так тяжко. А тебе какое дело — Ты взяла, да и сгорела. Жизнь испортила мою, Про тебя теперь пою Песнь унылую мою. И не знаю, как, любя, Жизнь прожить мне без тебя. Ты — продолжение руки. И жизнь с тобою — без тоски.

*пульт от телевизора

Есенинская Русь

Облака плыли над озером,
Покрытым разноцветным льдом.
Не очень сильно, но морозило.
И снег скрипел под каблуком.
На льду сидели рыбаки
И водку пили от тоски.
Ну, а потом, ну, а потом
Домой тащили волоком
Их бабы или пацаны.
Вот горе для родной страны.

А Русь, вот, так же и живёт. Всё у забора пляшет, пьёт. На дворе уж новый век, Пора меняться, человек! А ты всё так же пляшешь, пьёшь И «по-есенински» живёшь.

К маленькой девчонке, Что сидит в сторонке, Ветер прилетал. С нею он играл. И была девчонка Рада до небес. Ни один мальчонка В душу ей не влез! Так росла, играя С ветерком, она. Очень уж больная Рождена была. В доме были куклы И игрушек воз. Но шальной был ветер И её унёс

В ту страну, где было Много, много грёз! Там они играли, Девушка росла. И вся эта фантазия Её ум спасла. Она не расстаётся С ветром до сих пор, Хотя на этом свете Много разных гор. Она считает, очень Ей повезло с тех пор. И жизнь её – ну просто Сказочный простор!

Одуванчик – судьба поэта

В богатый сад, где розы и пионы, Весёлый ветер семечко принёс. Стояли гордо пальмы и лимоны... Вдруг одуванчик солнечный пророс. Он огляделся – и влюбился в розу, Блистающую пышной красотой. Ей посвящал свои стихи и прозу, Но оставалась роза ледяной. Наш одуванчик загрустил и поднял Свой воротник зелёный с бахромой, Затем пошёл тропинкою кривою Стремительно в кабак знакомый свой. Бездушная роза смеялась до слёз Над жуткой судьбою поэта,

А ветер шикарные кудри унёс И разбросал их по свету.

Противостояние

Человек не на своём месте берёт в руки всю власть.

Тот, кто имеет каплю чести, в этот круг не может попасть.

Тем, кто дружит с лестью, хорошо живётся.

Для любого идола их спина согнётся.

А кто имеет гордый ум, и смиренную душу,

И к спине прибитый аршин,

Говорит себе: «Я смогу, я не струшу!

Не сломать меня, как тын!»

Кто вложил душу в руку Бога,

Того ждёт очень трудная дорога.

Но Бог утолит все его печали,

И будет всё, как в самом начале.

А в самом начале – счастливое детство,

И, значит, есть на что опереться.

Но только для этого надо бороться.

Хотя бы так, как мне удаётся!

Александра Рукавица

О себе

Меня зовут Рукавичка. Фамилия у меня настоящая, не псевдоним, но именно Рукавичкой меня зовут в клубе «Гравицапа». Десять лет из двадцати пяти я хожу в клуб авторской песни, где так и не научилась толком играть на гитаре, зато оказалась частью чего-то большого и ценного.

В «Гравицапе» я веду поэтические и театральные мастерские, осторожно пытаюсь быть педагогом. Пишу я с шести лет, но почти все мои стихи написаны в клубе. Была даже пара песен, но они канули в Лету вместе с мелодией на двух с половиной аккордах.

Двадцать пять лет я живу в Мурманске, он просвечивает в моих стихах солёным пушистым снегом – город, где зима девять месяцев в году.

А ещё, я надеюсь, в них просвечивает любовь – к людям, которым мои стихи посвящены, к песням и книгам, строчки из которых я цитирую.

Рисую я гораздо меньше, всего несколько лет. Рисую для того, чтобы рассказать историю, которую неловко формулировать словами. Чтобы обнимать людей, которых недообняла в реальности.

Полночь, часы пропускают счёт, Я пропускаю вдох. Мне не хватает ни слов, ни нот, Мой марсианский мох Пахнет рябиной, как зимний сон В минус семнадцать лет. Если кутить позовёт Харон, Передавай привет. Я же гребу из последних сил, Где тут глаза поднять. Самое яркое из светил Обречено сиять. Мне этот свет, как песком в глаза, Жгу твоё солнце зря. Весь этот стих я пишу сказать: Я – это просто я. Роза не сморщится без воды, Если вернулся Принц, Межгалактические следы В пару свернув страниц. Лису приходится молча ждать, Выть, как последний пёс. Лис не умеет об этом лгать, Если болит всерьёз. Лис завернётся в тугой клубок Жалящего огня. Лису достаточно этих строк, Лис – это тоже я. Полночь, часы пропускают счёт, Выдох и не реветь. Мне не хватает ни слов, ни нот. Я начинаю петь.

Лето прошло, осень прошла, Дом занесло по макушку снегом. Я не держу на тебя добра, Всё отпускаю, как шарик в небо.

Шар улетает ко мне во сны, Там в подсознании тоже снежно. Вестник невысказанной весны, Острая тихая нежность

Тонкой иглой протыкает шар, Сыплет добро в капюшон, на плечи. Всё, что хотела тебе сказать, Снится мне в этот вечер.

Песенка про расставание

Зачем мы расстались в апреле? Надо бы в ноябре. К утру бы заиндевели лилии на столе. Мы звёзды дороги млечной перевели в цветы, Мы были вдвоём навечно — остался в апреле ты.

Зачем мы расстались в апреле? Надо бы в декабре. Белые акварели пишет художник-снег. Наш поцелуй прощальный холоден был, как лёд, Мы столько наобещали – теперь обнуляю счёт.

Зачем мы расстались в апреле? Надо бы в январе. Я бы лежала в постели, слушала тихий снег. То, что апрель не лечит, вылечат холода. Мы были с тобой навечно – расстанемся навсегда.

«В тёплом доме на модном столе одуванчик стоит в хрустале...» Стр. 9

Приезжай

Приезжай, не стыдись своих тёплых писем, Закуривай трубку пряных осенних листьев. Посмотри, как логично теперь мы мыслим. Прячем чувства в загнутые рукава.

Не поём, не плачем, скрываем сущность В этом снеге, он истинно вездесущий. В нашем городе вместо конечной «Ждущей» Солью припорошенная трава.

В наших окнах, покрытых молочной дымкой, Озарённых Бетховеном или Глинкой, Под диванной бордовой шершавой спинкой Исполняй любую свою мечту.

Приезжай и не бойся, что вдруг прорвётся Сквозь холодную пряжу немое солнце, И в груди острым камешком отзовётся Слово, отпущенное в пустоту.

Мелани

Мел просыпается в восемь, делает грустный вид. Всем своим грустным видом этому миру мстит. Смотрит в окно, снаружи сказочно и бело. В сумку кладет мобильник, палочку и перо.

Снег заметает площадь, скрадывает черты, Шепчет прохожим: «Дома лучше б остался ты». Люди ползут упрямо, топчут шагов пунктир. Мел вспоминает, в тот ли утром проснулась мир.

Ночью все кошки серы, в снеге миры – белы. Запрещено не верить правилами игры. Мелани шепчет «Lumos», делает взмах рукой. Мир остаётся прежним, белой крошит мукой.

Девять утра, я тоже путь свой сквозь снег топлю. Мир этот, всех прохожих, даже метель люблю. Пусть не сработал «Lumos», в палочке чуда нет, Мне всё равно, я знаю, Мелани видит свет.

Люди спешат куда-то, мир обнимает их, Мне заметает снегом в голову этот стих. Мелани прячет руки, это и есть ответ. Мелани рядом, значит, я тоже вижу свет.

«Об этом рано поутру мне рассказала штора. Она качалась на ветру, а я писала скоро...» Стр. 5 Мне холодно, я замерзаю, вмерзаю в кресло Серебряным, словно волна, невесомым пухом. Мне кажется, скоро прилив, я совсем исчезну, Я стану морской звездой проплывать над ухом И чувствовать сквозь корабли твой знакомый запах.

Мне хочется падать пушистым солёным снегом, Как рыбы прозрачным, холодным, блестящим, бледным, Как солнце над северным сонным суровым летом, Таким же, как шелест фаты, неприметно светлым, И замирать, опускаясь к тебе на лапы.

> «Мне было очень грустно и светло. Душа— насквозь— прозрачное стекло…» Стр. 4

Ночь сказок

Миры нескончаемы. Сказки, одна за другой, Проливаются на пол каждой своей строкой. «Твоя очередь, слышишь, в ночь сказок нельзя молчать».

Я кричу свою сказку сквозь мир, сквозь реальность снов, Детский голос дрожит, только мне не хватает слов. Я рассказчик, но этого не рассказать.

«Я бежал по тропинке, ведущей куда-то в Лес. Он был миром земли сырой и пустых небес. Я ему отдавал себя, он платил сполна.

Лес гнездился внутри меня, Лес был частью моей души. Я бежал, задыхаясь, в прозрачной лесной тиши. На моей макушке проглядывала седина.

Я не плакал, нет, я не спал, я не ел, не пил, Я бежал изо всех собачьих скулящих сил. Остановка – смерть, возвращенье – смерть, и сомненья – смерть.

«Я знаю, что мне хочется: напиться одиночества, постоять в сыром лесу, чувствуя ногой росу...»
Стр. 9

Лес считал мои рёбра, иголки роняя в шерсть, Я бежал пять лет или даже, пожалуй, шесть. Одинокий скелет, неизвестный науке зверь».

Я молчу, не могу больше вымолвить ни черта. Из открытого рта доносится пустота. Слёзы капают на пол и пахнут корой и мхом.

«Что же дальше? Ты справился, добежал?» Я встаю и молча киваю, мол, рассказал. И до Леса внутри дотрагиваюсь языком.

Тёплое

На анатомии блещут желудочки сердца, А в голове – пряность летних нескошенных трав. Я представляю, как можно о палубу греться, Вслух рассуждая, что «может быть, Дарвин был прав». То, что вокруг – нереально, рассыпчато, зыбко, Где-то внутри поселился обманчивый свет. Если всерьёз согревает такая улыбка, Значит, уже не прельщает сиянье монет. Что же прельщает? Ищу оправдание счастью. В мелодию ветра вплетается тихо душа, А грозный учительский взгляд предвещает ненастье, Грызу основание грифельного карандаша. Сквозь пирамиду научных трудов пробираясь, Припоминаю волнующий утренний сон, Счастье своё аккуратно примерить стараюсь К чувству, что ты в меня тихо и нежно влюблён. Да, к слову о счастье – оно сохраняется где-то В лёгких касаниях, взглядах, в желании ждать. Где-то, где за холмами бескрайнее лето, И поле такое, что невозможно объять. Поле и поле. Волшебное чьё-то творенье, Счастье и счастье. Осознанное, без конца. Где-то внутри – щербаковское стынет варенье, Где-то вокруг диаграммой режут сердца.

«Солнце отразилось в яркой глубине. Подошёл и молча улыбнулся мне...» Стр. 7 Здравствуй, друг. Ты сегодня опять не спишь? Я никак не могу забыть твой прощальный взгляд. А в груди моей прописалась больная мышь И пищит, как плачет, и жизнь превращает в ад.

Этот ад – это вам не по Данте идти вперёд, Озаряя грешивших белым своим пальто. Эта мышь прогрызает самый алмазный лёд, И хотя бы раз объяснила бы – ну за что?

Я травлю её едким ядом счастливых дней, Я на всех фотоснимках улыбкой меняю рот, Но она почему-то от этого всё сильней Прорывает дыру во мне, будто заправский крот.

До неё не добраться, она сидит глубоко, Разъедает меня, как отравленное молоко. Милый друг, может, стукнешь её молотком? Может, мне от этого станет легко?

Вот согласие, я подпишу, лезь и режь мою мышь. Только сам, пожалуйста, не отравись.

Здравствуй, друг, я услышала писк из твоей груди.

Утро Полины

В гречневой каше пруд молока, Солнечный лучик малины. Вяло по небу плывут облака, Вот оно – утро Полины.

- Всё хорошо? голос хриплый с утра
 Уши щекочет шершаво.
 Быстрый кивок, ерунда, мне пора.
 Как до Приморской направо?
- Как до Приморской, направо?
- Ты не найдёшь, здесь другие миры
 Сонно клекочут за дверью.
 Старые Питерские дворы
 Пахнут вином и сиренью.

Дверь не открыть домофонным ключом – Мало пароля для рая. Я посажу к тебе на плечо Проводника, дорогая.

Крыс на плече неудобно пищит, Нежность – крысиная сила. Поли сегодня не любит мужчин, Да и вчера не любила.

Тёмно-синий

Да нет, любовь осталась на месте, Лишь пвет поменяла на тёмно-синий. Я ей говорю: «Давай будем вместе», Она: «Может, в среду? Я так обессилена». Я ей какао в постель и кофе, Она не пьёт и чашкой килается. Попросит нарисовать её в профиль, Рисую анфас, она обижается. А то вдруг вскочит, начнёт кружиться, Смеётся и в карты с котом играет. И счастье в глазах, дрожат ресницы. Проходит неделя, она затихает. Сидит на балконе, курит отчаянно. Глазами большущими смотрит прямо. Деньги выкидывает, будто случайно. Потом говорит: «Избавлялась от хлама». Ну, вроде живем. Я – бледная, нервная, Она – тёмно-синяя, такая любимая. Меня спрашивают иногда, мол, с кем это я. А я невпопад отвечаю: «Спасибо».

Рифмую слова.

Но не так, как учили меня, а вкривь и вкось. Если не любишь такие стихи, то не читай, брось.

В каждое предложение закрадывается ошибка: Оно начинается не с твоего имени. О чём бы я ни писала, сквозь текст Просвечивает предательское «лю-би ме-ня».

Каждое слово – непростительное заклятье. Чем больше скажу, тем легче будет меня распять. Я Доверяю тебе, как собака – слепо и преданно. Каждый пёс где-то внутри хочет, чтобы его предали. Я – счастливый пёс, мои желания слушают. Я по уши в любви и в дерьме тоже по уши.

Запомни – когда меня поведут санитары, Последнее желание – дотронуться до гитары.

О чём бы я ни писала, сквозь текст просвечивает предательское «лю-би ме-ня».

Шторм в голове как константа последних дней Чертит дорогу мне к городу дураков. Всё, что дойдёт до сердца, сделает нас сильней, Будет ли только стоить нескольких важных слов?

Мой крысолов знает каждый земной язык, Нота за нотой ему как за шагом шаг. Сильный наркотик, когда ты к нему привык – Мой крысолов, эти песни, моя душа.

Я прочерчу себе ясный, надёжный путь — Выкинуть всё кривое, идти на свет. Стоит отвлечься, немного с пути свернуть, И ничего понятного больше нет.

Мир сквозь наушники кажется диким сном, Спрятаны ориентиры в кромешной тьме. Страстно хочу домой, только где мой дом, Где меня ждут, где нуждается кто во мне?

И никакой дороги – а что, впервой? Крошки доели зайцы, огонь погас. Музыка заполняет меня собой, Мой крысолов меня снова сегодня спас. «Скрипка рыдала и пела, вела за собой оркестр...» Стр. 6